

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Т17

ВЕЧНОСТЬ БЕЗ ВЕРЫ

Анастасия Таммен

Иллюстрация на обложке Тамары Третьяковой (Tom Arrow)

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

Перевод стихотворения на с. 498

«Wo es Grenzen gibt...» («Где границы, там страдания...»)

Екатерины Штоль

Соавтор стихотворений на страницах 120, 134, 286, 396

Дарья Урбанская

Таммен, Анастасия.

Т17 Вечность без Веры: роман / Анастасия Таммен. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 512 с. — (Любовь-бесконечность).

ISBN 978-5-17-151633-8

В 2371 году на территории Евразии осталась единственная страна. Она поделена на два округа. В первом живут могущественные Вечные, во втором, пренебрежительно называемом «зоной», — смертные. Стена между округами непреодолимо высока, а условия жизни в зоне — невыносимы. Но есть люди, в которых теплится надежда, что границы, прочерченные Вечными, — не навсегда.

Вере восемнадцать. И она — смертная. У нее нет времени думать про поцелуи. Пока другие мечтают о свиданиях, она готовится к последнему экзамену в Первом Экспериментальном Центре, чтобы получить свободу и бессмертие. Когда накануне экзамена Вера встречает Аарона, ее мир переворачивается вверх дном. Вечный пробуждает в ней запретные чувства.

Они могли бы полюбить друг друга, если бы Аарон не собирался... закрыть ПЭЦ и отнять у воспитанников шанс на бессмертное будущее.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)-44

© Анастасия Таммен, 2023

© Тамара Третьякова, иллюстрация
на обложке, на с. 41-42, 2023

© Тамара Герасун, иллюстрация на с. 509

В оформлении макета использованы материалы
по лицензии ©shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-151633-8

События книги разворачиваются на территории Евразии, но никакой политической подоплеки в этом нет. Сеттингом могла бы стать, например, Америка или Африка, но все решило имя главной героини. С самого первого черновика я знала: ее должны звать Вера. Она будет искать правду и бороться за истину, а также верить в то, что любовь не может убивать.

Глава 1

В комнате было прохладно. В Первом экспериментальном центре всегда было прохладно, даже сейчас, в середине июля, когда за серым оконным стеклом под раскаленными лучами солнца плавился первый округ. Прошлепав босыми ногами по белому полу в черную крапинку, Вера отодвинула зеркальную дверцу шкафа, достала коричневую баночку с витаминами и открутила крышку. Руки слегка дрожали. На ладонь выпала последняя красная капсула, которую Вера проглотила, не запивая водой. Нужно будет не забыть попросить у Сати добавку.

На запястье завибрировал коммуникатор, задевая вживленный под кожу чип. Прикосновение отозвалось легкой щекоткой. Чип был совсем крохотным, не больше горошины, приплюснутой с двух сторон, и изредка мигал красным огоньком. Вера сдвинула коммуникатор и с нежностью погладила очертания чипа под тонкой, словно прозрачной, кожей. Вибрация повторилась, напоминая о том, что уже половина седьмого утра и пора отправляться на завтрак.

Вера стянула через голову ночнушку — зачем она вообще вчера переодевалась, если не собиралась ложиться спать? — и надела плиссированную юбку до колена

и тонкую блузку с воротником. С нижней полки шкафа она взяла балетки и скользнула в них голыми ступнями. Расхлябанная резинка мгновенно сомкнулась вокруг лодыжки. Вся казенная одежда воспитанников и воспитанниц ПЭЦ была исключительно белого цвета — цвета чистоты не только физической, но и нравственной, что как нельзя лучше отражало идеологию Вечности. И соответствовало натуре Веры.

Взглянув на себя в зеркало, она обрадовалась бледным щекам. Хоть что-то положительное было в ее ночных бдениях в обнимку с планшетом, на котором хранились конспекты по микробиологии. Бледная кожа, белые волосы и голубые глаза отличали Вечных от смертных. А Вера, с ее каштановыми волосами и карими глазами, очень хотела на них походить.

Она вышла в длинный коридор. Дверь автоматически закрылась с тихим гудением за ее спиной. Комната находилась на предпоследнем, двадцатом этаже «щепки». ПЭЦ, построенный в 2321 году, втиснули на крохотном участке земли между соседними зданиями. Поэтому с фасада оно получилось невероятно узким: на некоторых этажах помещались всего одна-две комнаты да шахты лифтов, а десятый этаж, где находилась прачечная, наоборот, выступал вперед и нависал над крышей многоуровневой теплицы. А вот комнаты воспитателей, учителей и директора располагались на минусовых этажах, под землей. Коридоры к их спальням, кабинетам, лабораториям, а также к классным комнатам расходились хитроумной подземной системой, напоминающей лазы кроликов. Как они там живут без дневного света? У самой Веры в комнате света было, конечно, немного — за ее окном в опасной близости высился склад биоотходов в сто этажей,

Вечность без Веры

загораживающий небо, — но все лучше, чем сидеть под землей.

Стеклянная шахта с двумя лифтами пронзала ПЭЦ, как позвоночник. Правый лифт точно поджидал Веру: не успела она подойти, как он предусмотрительно раскрыл для нее свои прозрачные двери. Стремительно проскользив до первого этажа, она вышла в центральный холл, гудевший двумя сотнями голосов. Воспитанники старше шести лет уже собрались здесь и болтали, выстроившись в очереди перед двумя полукруглыми траволаторами, тянущимися вверх сначала до второго этажа вдоль стеклянных витрин, где получаешь еду, и дальше на третий этаж мимо галерей, где можно сойти с транспортной ленты и присесть за столик.

Живот Веры заурчал от голода. Она ничего не ела со вчерашнего обеда, настолько погрузившись в тему диагностики вирусных заболеваний, что забыла обо всем на свете. Ничего удивительного. Чем ближе выпускной — а до него осталось всего десять дней, — тем сложнее думать о другом. Она мысленно ставила галочки напротив чисел в воображаемом календаре.

Прямо у подступов к правому траволатору стояли Таня с Идой и шептались между собой. Вера непроизвольно заулыбалась, заметив, как они вдруг захихикали. Пухленькую темноволосую Таню и долговязую блондинку Иду Вера обожала в равной степени. Как и всех остальных воспитанников, их забрали после рождения из зоны и привезли в ПЭЦ, где они подружились в том возрасте, о котором у Веры не осталось ровным счетом никаких воспоминаний.

«Интересно, что они обсуждают?» — подумала Вера, направляясь к подругам и лавируя между воспитанниками, но вдруг кто-то схватил ее за руку. Она

остановилась и обернулась. Рядом с ней стояла Лина из пятого класса. Каждый раз, пересекаясь с ней, Вера не могла отделаться от ощущения, что видит ожившую куколку: светло-русые волосы струились до пояницы, миндалевидные серые глаза обрамлялись пушистыми ресницами, а пухлые розовые губы довершали идеальную картину.

— Привет! — воскликнула Лина.

— Привет. — Вера аккуратно высвободила руку.

— Ты знаешь, что вчера произошло?

Вера попыталась понять, о чем могла спрашивать Лина, но все, что она помнила о вчерашнем дне, ограничивалось микробиологией.

— Ну как же?! Неужели ты не получила сообщение? Или не успела прочитать? Вчера объявили лучших воспитанников от десяти до одиннадцати лет. Паше грозит отчисление, он провалил один годовой экзамен, но мне его совсем не жалко. Он допустил аж две ошибки, представляешь? Две! Зато все остальные молодцы. А я — лучшая среди своих. Поздравь меня. Я так рада.

Вера успевала только кивать. Вставить хоть одно слово в тираду Лины не представлялось возможным. Если дать Лине волю, она могла заговорить человека до смерти. Вера вытянула шею, высматривая Таню и Иду, и уже хотела поздравить и попрощаться, как Лина снова затараторила:

— Представляешь, вчера мою работу по Последней катастрофе сравнили с твоей! — Линыны глаза заблестели от восторга. — Учитель по истории Земли восхитился детальностью моего доклада о конце двадцать первого века и дал мне на три балла больше, чем тебе семь лет назад. Да, я проверяла, больше! — Лина победно улыбнулась, растягивая по слогам последнее

Вечность без Веры

слово. — Хочешь я тебе расскажу, что сделала лучше тебя?

Вера отрицательно помотала головой, но вопрос оказался риторическим, потому что Лина, быстро вдохнув, продолжила говорить:

— Ты отстаивала точку зрения, что в гибели большей части человечества виновата разобщенность людей, вместе они могли бы спасти всех, но, знаешь, это слишком философская точка зрения. В этом вся проблема. Слишком абстрактно. Поэтому я сделала упор на проблемах перенаселения планеты и нехватке природных ресурсов. В конце концов, не выжми люди тогда Землю до последней капли, не начались бы такие природные катаклизмы...

— Ты права. Это очень хорошая теория, — перебила Вера, подумав: «Если я не сбегу сейчас, то уже никогда не смогу этого сделать».

Тем более что разговор мог привести только к одну — дискуссии. О причинах Последней катастрофы ученые, общественные деятели и политики спорят уже около трехсот лет, но суть от этого не меняется. От десяти миллиардов населения Земли осталась жалкая горстка в пятьдесят миллионов, а пригодной для жизни оказалась территория, бывшая некогда западной частью страны под названием Россия. Но какие бы теории ученые ни выдвигали, Вера стояла на своем: действуя заодно, можно было бы не допустить таких глобальных и непоправимых последствий. И вовсе не сами ресурсы стали проблемой, а неутолимая жажда наживы.

Может, Вера была бы и не прочь поспорить, но не сейчас, когда от голода сводит желудок. Да и в чем она смогла бы убедить Лину, которая получила больше баллов? Волне вероятно, что именно на стороне Лины

правда. Хотя, если бы правда была такой однозначной, спорили бы о ней так долго? Вера натянуто улыбнулась.

— Я поздравляю тебя. А сейчас мне пора.

— Но...

— Увидимся.

Вера зашагала в сторону подруг. Воспитанники расступались и освобождали ей путь не возмущаясь. Все-таки есть плюсы в том, что она выпускница. Оказавшись у Тани за спиной, Вера легонько подула ей в ухо.

— Ой! — вскрикнула Таня и, подпрыгнув от неожиданности, обернулась. Копна каштановых кудряшек взлетела вверх и милым хаосом легла вокруг круглого личика. — Зачем так пугать? — Таня нахмурилась, но в следующее мгновение уже заулыбалась и взяла Веру под локоть.

Втроем они ступили на траволатор, который потянул их наверх.

— Ты где была вчера вечером? — спросила Таня.

— Мы тебя искали, — заговорила Ида, прищутив ясные голубые глаза. — Пожалуйста, скажи, что ты была у Макса.

Вера смутилась и почувствовала, как загорелись щеки. Ей не нравилось обсуждать ее отношения с Максом. Таня, прикрыв ладошкой рот, захихикала, явно неправильно истолковав Верину реакцию.

— Неужели он наконец-то решился тебя поцеловать? — спросила она.

Таня, которая еще никогда на свиданиях не бывала, обожала копаться в подробностях чужой личной жизни. Интересовало ее все до мелочей. С одной стороны, это было забавно, особенно когда дело касалось других. С другой — искренне печалило Веру. Она догадывалась, что в глубине души Таня отдала бы все на свете, лишь

Вечность без Веры

бы самой сходить в компании симпатичного парня хотя бы в Центральную библиотеку.

— Я уже устала ждать, когда он хоть на что-нибудь решится. — Ида театрально закатила глаза.

— У нас у всех есть сейчас дела поважнее, — возразила Вера.

Около витрины подружки нажали на свои коммуникаторы, и над левой рукой образовалось силовое поле около сорока сантиметров в диаметре. Поле не имело цвета, но искажало пространство, если смотреть сквозь него, будто на поверхности воды расходилась рябь. Вера взяла два герметично запечатанных тюбика оранжевого и зеленого цветов, протеиновый батончик и пакетик с яблочным концентратом и положила сверху на силовое поле, как на поднос.

— А о чем еще думать, как не о поцелуях, когда тебе восемнадцать? — спросила Ида, выбирая тюбики и батончики. — По закону, между прочим, нам уже все можно!

— Например, можно думать о последнем выпускном экзамене, — спокойно ответила Вера, стараясь не поддаваться на провокацию. «Все ради науки!» — так звучал девиз ПЭЦ. Поцелуи же тут никакой роли не играли. — Вы не забыли, что завтра экзамен?

— Какая же ты зануда, — театрально вздохнула Ида.

Оказавшись на третьем уровне, они прошествовали мимо десятка занятых галдящими воспитанниками столиков к ближайшему свободному у стеклянного ограждения галереи. Оттуда открывался вид на крутящуюся в воздухе гигантского размера голограмму рейтинга воспитанников, на первой строке которого красовалось Верино имя. Таня плюхнулась на стул, сгрузила завтрак с силового поля на стол и отключила

его. Одним махом она выжала первый тюбик в рот и недовольно поморщилась.

— Нет, я понимаю, что в мире нехватка продуктов, что выращивать их толком негде, но еще один день этой приторной жижи, и я взвою.

— Вой не вой, но еду нам выдают в соответствии с параграфом № 196 устава ПЭЦ, — сказала Ида, присаживаясь рядом.

— Терпение. Осталось всего ничего, — напомнила Вера, занимая место напротив Тани.

Может, еда в тюбиках и не была пищей богов, но по сравнению с объедками, которые перепали жителям зоны, стоило радоваться каждой напичканной витаминами капле. Смертные по ту сторону границы жили впроголодь, получая переработанные биоотходы из первого округа

— Вот выпустимся и сможем позволить себе настоящие продукты.

— Хорошо бы. Я буду каждый вечер ходить по ресторанам. Вы слышали, что в самом центре есть такие, которые расположены выше облаков? — Таня подперла подбородок ладонью, мечтательно улыбнулась и выдала двестише:

— Между облаков летать

И вкусняшки уплывать.

Вера улыбнулась. Она восхищалась талантом Тани рифмовать на ходу.

— И цены там такие же — заоблачные, — хмыкнула Ида. — Чтобы попасть туда, нам потребуется прожить лет сто, а то и все двести.

— Почему тебе вечно нужно все испортить? — Таня насупилась.

— Потому что я реалист. И вообще мы говорили не про еду, а про то, чем Вера вчера занималась с Максом. Ну?

Вечность без Веры

Ида повернулась к Вере и уставилась на нее как на допросе.

— Мы вчера весь день провели в библиотеке. К экзамену готовились, — начала Вера и сделала паузу, чтобы выдать себе в рот треть тюбика с тыквенной пастой.

Нейтрально, чуть сладковато. Даже если Ида права и в ресторанах и правда цены заоблачные, Вера все же мечтала хотя бы разок там отужинать. Как здорово было бы взять вилку и нож в руки и отрезать кусочек чего-нибудь хрустящего и жареного. Медленно выдохнув, Вера заставила себя проглотить оставшееся пюре.

— В библиотеке? — фыркнула Ида. — А дальше?

— А дальше ее закрыли, и Макс меня до комнаты проводил.

— Нам из тебя каждое слово клещами вытягивать? — не отставала Ида.

— А тут и нечего вытягивать.

Ида моргнула пару раз.

— Вер, ты же понимаешь, что это ненормально? — воскликнула Таня.

— Ненормально лезть не в свое дело, — отрезала Вера и скрестила руки на груди. Внутри закипало недовольство. И чего они пристали?

Вера начала встречаться с Максом полгода назад. Он — идеальный парень, как будто созданный для нее. Умный, красивый, ответственный. Если бы не болезнь, из-за которой семь лет назад он пропустил один месяц, он наверняка сравнялся бы с ней по баллам в общем рейтинге. А какие у него карьерные перспективы! Вера не сомневалась, что однажды он станет лучшим микробиологом страны. Когда они закончат ПЭЦ, весь мир будет лежать у их ног. Но Таню и Иду почему-то мало волновали рассуждения о будущем. При любой

возможности они задавали неудобные вопросы про поцелуи или того хуже — когда уже Вера с Максом *помнут одежду*. Но разве было у нее на это время? Да и чужие слюни во рту... Бр-р-р. Вера внутренне содрогнулась.

— Ладно, извини. — Таня опустила глаза. — Однако...

— Больше не будем, — перебила Ида. — Но пообещай нам, что как только, так ты сразу нам все расскажешь!

Вера не смогла сдержать улыбку.

— Договорились. Могу даже видео записать в качестве доказательства.

Таня и Ида рассмеялись в голос.

— Спасибо, но не надо! — Ида замахала руками. — Мы и так тебе поверим.

Вера, все еще улыбаясь, вернулась к более важной теме:

— Вы готовы к микробиологии?

— Надеюсь, — сказала Таня, заметно позеленев. — Все эти клетки, реагенты, плазмы. Лучше два экзамена по литературе или искусству написать, чем вот это вот все.

— А еще лучше по праву! — подхватила Ида.

Хотя Ида находилась в середине общего рейтинга, в юриспруденции она была сильнее прочих выпускников. Она назубок знала все законы, параграфы и могла в любой момент выдать нужные сведения. Как ей это удавалось и, самое главное, что она находила в этом интересного, Вера понять не могла. Большой скукоты на свете не придумаешь.

— Я после завтрака сразу в библиотеку. Хочу повторить часть про иммуномодуляторы. Присоединитесь? — ненавязчиво предложила Вера, пускай на самом деле она хотела бы взять их обеих под руки и утащить

Вечность без Веры

туда насильно. Если они провалятся на последнем экзамене, то не видать им хорошего распределения.

После восемнадцати лет в стенах ПЭЦ на выпускном воспитанникам вручали сертификаты на инициацию. На них, помимо нового имени, стояло место будущей работы. Чтобы стать Вечными, нужно было пройти не только болезненную трансформацию, но и отречься от имени, данного при рождении. Вместо него выбиралось новое, вечное. Оно соответствовало тому роду деятельности, которому воспитанников обязывали посвятить себя. Так физиков часто называли Вольтом, а биологов — Розой. Но иногда имена связывали с личностью человека или со временем его инициации. Вера мечтала сохранить свое, данное ей заместителем директора Сати, однако права голоса не имела. И имя, и место работы, точно вердикт, выносила Сентябрина, стоявшая во главе Отдела управления человеческими ресурсами со дня его основания. Она знала, что правильно для каждого из них.

Сменить род деятельности даже через сто лет не представлялось возможным. Необходимость придерживаться выбранного для них пути основывалась на суждении, будто таким образом можно идти вглубь любых процессов. Вере подобная методика напоминала шоры, которые надевали на морду лошади, чтобы та не отвлекалась, но сопротивляться было страшно. Выкажешь неуважение к принципам ПЭЦ и будешь ближайшую Вечность перебирать радиоактивные отходы за пределами зоны, поэтому не оставалось ничего, кроме как безмолвно следовать указаниям свыше. У них в распоряжении был единственный шанс повлиять на качество своей будущей жизни — получить максимально высокие оценки на выпускных экзаменах.

— Вер, я не хочу, — вздохнула Таня. — Я терпеть не могу микробиологию. Помнишь, как мы однажды проводили опыты на животных? Меня стошнило прямо на рабочий стол и на...

— Фу! — хохотнула Ида.

Она работала скальпелем с гораздо большим хладнокровием, но боялась повредить какой-то важный для исследований орган — препарировать законы ей удавалось куда проще.

— Один последний раз, Тань, и все позади, — сказала Вера, хотя в животе замутило при одном воспоминании о том событии.

— Но зачем мне микробиология, если я хочу в министерство культуры? — возмутилась Таня. — Или на телевидение! Я хочу снимать фильмы и ставить пьесы! Зачем мне знать, что такое, как ее, агглюмация?

— Агглютинация, — поправила Вера.

— Да хоть коронация, — ответила Таня и скривилась.

Вера шумно вздохнула. Зачем спорить о том, что нельзя изменить?

— У нас есть всего один шанс, чтобы доказать Сентябрине, кто мы и на что способны.

Вера побаивалась руководительницу ОУЧР. Та была настолько хладнокровной, что гораздо больше ей бы подошло имя Январина или просто Льдина.

— Перед смертью не надышишься, — возразила Ида.

— Ну можно хотя бы попытаться, — настаивала Вера.

— Зануда! — Ида потянулась к ней и взъерошила волосы, собранные в тугую хвост.

— Эй! — Вера рассмеялась и, оттолкнув ее руки, пригладила волосы и подтянула резинку.

— Ты, конечно, права. — Таня кивнула. Плечи ее опустились.